

В 2001 году профессор Валерий Болотов сообщил ректорату Морского государственного университета имени адмирала Г. И. Невельского, что его знакомый, американский художник русского происхождения, планирует посвятить цикл своих картин 200-летию первой русской кругосветки. Художник предлагал организовать в стенах нашего вуза выставку будущих произведений.

Это предложение заставило ректорат задуматься: а чем мы сами можем ознаменовать юбилей столь важного события? Вспомнили об Иване Крузенштерне и его шлюпе «Надежда», имя которого с 1991 года стало носить учебное парусное судно нашего вуза. Экипаж парусника давно мечтал о кругосветном плавании, но особо веря в его возможность при нашем безденежье. Но, как сказал классик материализма, мысль, овладевающая массами, становится движущей силой. Мистики тоже утверждают, что мысли способны чудесным образом материализоваться. Как бы там ни было, обстоятельства для «сбычи мечты», как показало время, сложились благоприятнейшим образом.

Идею первой кругосветки в XXI веке с энтузиазмом подхватил ректор Морского университета В. И. Седых, который стал вдохновителем и организатором похода. В августе 2002 года Приморье посетил президент России В. В. Путин. На борту учебного судна «Надежда» он совершил плавание вдоль южных берегов Приморья. В этом коротком рейсе моряки экипажа, общаясь с высоким гостем, высказали свою

мечту о дальнем походе вокруг Земли. Глава государства идею одобрил. Это позволило ректору В. И. Седых обратиться к министру транспорта России, выпускнику нашего вуза С. О. Франку с просьбой помочь организовать кругосветное плавание. Франк не только поддержал идею похода, но, самое главное, обещал оказать финансовую поддержку. Еще недавно утопическая мечта о кругосветке стала обретать реальные очертания.

И вот в январе 2003 года учебный парусник «Надежда» с девяноста шестью курсантами судоводительского факультета на борту вышел из Владивостока. Экипаж и курсанты знали, что ровно двести лет назад, в 1803 году, из Кронштадта в первое русское кругосветное плавание отправились парусные корабли «Надежда» и «Нева» под командованием И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского. Памяти их подвига посвящалась нынешняя кругосветка. Об этом было сказано ректором на пресс-конференции во Владивостоке перед выходом судна в рейс.

Маршрут современной кругосветки мало совпадал с известным маршрутом предшественников. Первая часть рейса из Владивостока до Санкт-Петербурга и вовсе проходила как бы встречным курсом.

Только отпраздновав вместе с питерцами трехсотлетний юбилей города на Неве, «Надежда» XXI века легла на курс своих предшественников. Сначала был заход в Лондон, где более двухсот лет назад строились парусники «Леандра» и «Темза», купленные Российско-Американской компа-

ний для первого кругосветного плавания. Затем, выйдя в Атлантический океан, «Надежда» с приблизительной точностью повторила их путь через Канары в Бразилию.

В судовой библиотеке «Надежды» оказались опубликованные дневники Ю. Ф. Лисянского. По ним моряки могли сравнить свой путь от Балтики до Мыса Горн по затраченному ходовому времени, по местам стоянки в портах Teneriffe и в Бразилии. Сравнивали даже ассортимент продуктов, съеденных предшественниками. Эта тема с юмором обсуждалась в курсантских кубриках. Оказывается, два столетия назад матросы состояли в «артелях» для старшинвания парусов и мачт. Теперь это старинное слово из морского лексикона звучало необычно, ассоциируясь с артелями старателей, что опять же вызывало шутки курсантов. Ю. Ф. Лисянский подробно описывал, сколько цыплят и тыкв было выдано в Бразилии на каждую артель.

Был у нас на судне видеофильм «“Юнона” и “Авось”». Запись знаменитой рок-оперы несколько раз просмотрели в кают-компании. Но мало кто из курсантов и даже бывалых моряков знал тогда что-либо о судьбе и роли Николая Петровича Резанова в первой русской кругосветке. Со школьных лет все слышали о героических заслугах И. Ф. Крузенштерна, немного меньше — о Ю. Ф. Лисянском, но ничего или почти ничего — о Н. П. Резанове. А рок-опера воспринималась только как художественно-музыкальное произведение.

В наше время дальние и долгие походы современных кораблей стали обыденным делом. Никого не удивляют производственные рейсы дальневосточных моряков по Мировому океану, длящиеся по году и более. Это стало обычной морской работой. Однако рейс парусного учебного судна, благодаря Интернету и телевидению, привлекает внимание всей планеты. За кругосветным плаванием «Надежды» внимательно наблюдали не только родители курсантов, руководители морской отрасли и коллеги в Морском университете. Как стало известно, многие граждане России, не связанные с морской деятельностью и живущие вдалеке от моря, тоже внимательно следили за походом дальневосточного парусника. Среди них был и писатель из Уфы Владимир Агте.

По возвращении «Надежды» во Владивосток Владимир Сергеевич прислал ректору Морского университета поздравление

с успешным завершением рейса и книгу «Командор», изданную в Красноярске в 1995 году. Эта книга — результат работы группы энтузиастов города Красноярска, где похоронен Н. П. Резанов. По их инициативе были собраны в библиотеках и архивах разных городов России и Америки уникальные материалы о командоре, которые легли в основу «Командора».

В историческом клубе Морского университета преподаватели и курсанты благодаря этой книге более подробно познакомились с деятельностью действительного камергера двора Его Императорского Величества, первого чрезвычайного и полномочного посланника в Японию, начальника первой русской кругосветки, одного из основателей Российско-Американской компании Н. П. Резанова.

Позднее В. С. Агте прислал в университет свои газетные статьи «Реальный герой романтической истории» и «Крест Командора», которые тоже оказались кстати. Кроме того, Владимир Сергеевич, который вел переписку с потомком рода Резановых, прислал адрес Льва Васильевича Резанова, внучатого племянника Николая Петровича Резанова — в пятом поколении. Лев Васильевич, в свою очередь, прислал в университет много материалов об истории своего рода. Среди них — копии писем из его переписки с Владимиром Трофимовым, автором исторического романа «Кастильские розы командору Резанову».

Все это вовлекло нас, участников кругосветки 2003–2004 годов и любителей истории морских путешествий, в более детальное изучение внутренних коллизий первого русского кругосветного плавания. То, что происходило на борту «Надежды» двести лет назад, невольно сравнивалось с событиями и атмосферой нашего плавания. Во все времена в замкнутом пространстве судна при длительном плавании люди проявляют подлинную свою сущность. Нам были очень понятны мелкие и подчас мелочные поводы для ссор и обид главных действующих лиц того исторического плавания.

Во многих опубликованных работах, посвященных первой российской кругосветке, существуют диаметрально противоположные оценки исторической роли героев плавания — Н. П. Резанова и И. Ф. Крузенштерна. В зависимости от симпатий авторов к тому или другому персонажу, собственных политических пристрастий и политического

мировоззрения, выносятся подчас несправедливые категоричные суждения. Этот хо-рош, тот — плох. Заведомо оценив для себя героев, такие исследователи вплетают в свои «труды» одни тенденциозно подобранные «исторические факты», полностью игнорируя другие. Получается иконописный образ одного героя и несправедливо очерненный — другого. В большинстве таких работ звучат предвзятые, эмоциональные, не основанные на серьезных исследованиях заявления.

Знакомство с исторической литературой и современными публикациями, размышления о первой российской кругосветке, живое представление тех давних событий рождает соблазн высказать свое мнение по этой теме, не претендуя на глубокое научное историческое исследование. Одно-временно возникают большие сомнения: а надо ли вообще об этом еще раз писать, тем более — публиковать? Ведь мы не ставим перед собой задачу вновь раскапывать архи-вы, искать новые артефакты, вести научные исследования. А субъективных суждений и без того написано уже много.

Решение в пользу «писать» родилось по двум причинам: во-первых, мы рассматрива-

ем давние события как бы изнутри, потому что в своей кругосветке 2003–2004 годов прочувствовали почти ту же атмосферу, в которой находились Резанов и Крузенштерн. У нас на судне тоже бывали острые сканда-лы, порожденные взаимным недовольством. Усталость, психологическое напряжение, несовместимые человеческие психотипы в замкнутом пространстве, климатическое и магнитное влияние Земли... Все это трудно передать словами, но любой человек это может прочувствовать, находясь в подобных условиях. Участник первого кругосветного плавания Левенштерн записал в своем днев-нике: «Мы говорили с Хорнером о наших раз-дорах и пришли к выводу, что нигде люди не накапливают столько вражды по отношению друг к другу, как это бывает на корабле».

Не вступая в публичную полемику с другими авторами, не стремясь доказывать им свою «истину», ограничимся скромной задачей: донести нашу точку зрения читате-лю. Пусть она будет одной из многих точек зрения на давние события. Итак, воспроизведем известные факты того исторического плавания вокруг света и познакомимся с его героями.

ИВАН ФЕДОРОВИЧ КРУЗЕНШТЕРН

Потомок обрусевшего немецкого дво-рянского рода Крузенштернов, праправнук основоположника рода в России Филиппа Крузиуса фон Крузенштерна Иван Федорович Крузенштерн родился восьмого ноября 1770 года в семье судьи Иоганна Фридриха фон Крузенштерна в Эстляндии.

Выходец из небогатого дворянского рода Иван (Адам Иоганн) учился три года в церковной школе в Ревеле, а затем — в Морском кадетском корпусе в Кронштадте. Учиться полагалось шесть лет: три года кадетами и три — гардемаринами. В 1788 году началась шведская война. На кораблях рос-сийского флота не хватало офицеров, поэто-му был сделан выпуск части гардемаринов «за мичмана». Семнадцатилетний гардема-рин Крузенштерн был назначен на лучший линейный корабль того времени «Мстислав» под команду капитана Муловского. Этот корабль и его капитан перед войной пред-назначался для кругосветной экспедиции в составе эскадры из пяти кораблей, которую отложили вследствие начавшейся войны. От Муловского Крузенштерн впервые воспри-

нял идею о кругосветном плавании, которая вынашивалась в придворных кругах еще при Екатерине Великой.

На корабле «Мстислав» Крузенштерн принимал участие в Голландском сражении. Первого января 1789 года за боевые успехи он произведен в мичманы. В 1789–1790 годы принимал участие еще в трех морских сражениях русско-шведской войны и был произведен в лейтенанты.

В 1791 и 1792 годах Крузенштерн из-за ремонта корабля находился на берегу в Кронштадте, где близко сошелся с лейтенан-том Яковом Берингом, внуком известного мореплавателя. Под влиянием этого знако-мства желание совершить дальнейшее плавание у Крузенштерна стало еще живее.

Со времен Петра Великого Россия стала морской державой, но Англия оставалась владычицей морей. И по петровской тра-диции российские моряки продолжали обучаться морскому делу за границей. В 1793–1799 годах И. Ф. Крузенштерн служил волонтером на английских судах, с англича-нами плавал в Атлантическом, Индийском и

Тихом океанах, посетил Барбадос, Суринам, Бермудские острова. По возвращении в Россию произведен в капитан-лейтенанты.

При Петре I морские офицеры в России стали элитой общества. Не утратили они своего социального положения и в начале XIX века. Боевой офицер И. Ф. Крузенштерн после возвращения на родину служил в должности командира небольшого корабля в Ревеле (Таллин). Ему было почти тридцать лет, и, несмотря на не очень завидное материальное положение, он пользовался повышенным вниманием в обществе как весьма желанный жених. Кроме того, он имел дружеские и родственные связи при дворе.

Амбициозный моряк, давно вынашивавший идею кругосветного плавания, в

1799 году представил свои соображения по этому поводу властям. Мотивировал он свой проект интересами русской меховой торговли с Китаем, которая шла из Охотска сухопутным маршрутом на Кяхту. В своем проекте Крузенштерн доказывал, что торговля могла более выгодно идти напрямую морем. При этом он имел в виду установить прямые сношения метрополии с русскими владениями в Америке. Прошли месяцы прежде чем он получил отрицательный ответ от адмирала Кушелева.

Четырнадцатого сентября 1801 года Крузенштерн женился по взаимной любви на двадцатилетней Юлии фон Таубе. В счастливом браке прожил полвека, имел четыре сына и две дочери.

НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ РЕЗАНОВ

Его биография, вероятно, ждет своего исследователя. То, что о нем известно, почти слово в слово пересказывается многими авторами, повторяя неточности и «белые пятна». Некоторые малоизвестные периоды жизни Резанова вызывают много вопросов, предположений, допущений.

Известно, что Николай Петрович Резанов родился двадцать восьмого марта 1764 года в Санкт-Петербурге в обедневшей дворянской семье. Получил хорошее домашнее образование. Владел пятью иностранными языками. Отца его вскоре после рождения сына перевели в Иркутск председателем гражданской палаты губернского суда. Возможно (первое предположение) раннее детство Николая Резанова прошло в Иркутске.

В 1778 году Николай Резанов поступил на военную службу в артиллерию, а затем в престижный лейб-гвардии Измайловский полк. Далее в разных публикациях даются неполные сведения о его биографии. В 1787 году во время поездки императрицы Екатерины Второй в Крым молодой поручик лично отвечал за ее безопасность. Тогда ему было всего двадцать три года.

По неизвестной причине в начале восьмидесятых он оставляет военную службу и поступает ассессором* в Псковскую палату гражданского суда. Через

пять лет его переводят в казенную палату в Санкт-Петербурге. Здесь у него происходит стремительный карьерный рост. Он служит начальником канцелярии у вице-президента Адмиралтейств-Коллегии графа И. Г. Чернышева, затем экзекутором** Адмиралтейств-Коллегии.

Семья Резановых дружила с великим российским поэтом Гаврилой Романовичем Державиным. В 1791 году, после назначения Г. Р. Державина секретарем для доклада по сенатским мемориям при Екатерине Второй, Николай Резанов переходит к нему на службу в качестве правителя канцелярии. Затем становится кабинет-секретарем самой императрицы Екатерины. Таким образом, после одиннадцати лет он снова оказался в поле зрения императрицы. Екатерина иногда использовала молодого Резанова как чиновника для особых поручений. Вскоре он вошел в штат нового фаворита императрицы П. А. Зубова. Многие авторы полагают, что Платон Зубов считал Резанова опасным конкурентом за внимание императрицы. Возможно, по этой причине в 1794 году Резанов, по поручению Зубова, отправляется в Иркутск вместе с духовной миссией архимандрита Иосафа. (По другим источникам Резанов был зачислен в штат к Зубову после возвращения из Иркутска.)

* Ассессор (лат. *assessor*) — в России с начала XVIII века до второй половины XIX века: судебное должностное лицо; заседатель.

** Экзекутор (от лат. *executor* — исполнитель) — в России до 1917 года: чиновник, ведавший хозяйственными делами учреждения, наблюдавший за внешним порядком в канцелярии.

Н. П. Резанов инспектировал деятельность компании сибирского купца Г. И. Шелихова. Григорий Иванович Шелихов занимался пушным промыслом на островах Тихого океана и безуспешно пытался получить для своей компании монопольные права.

В 1795 году Н. П. Резанов женился на пятнадцатилетней дочери Шелихова Анне и стал человеком, непосредственно заинтересованным в успехах компании. Через полгода Григорий Иванович Шелихов в возрасте сорока семи лет скоропостижно скончался. Его вдова, Наталья Алексеевна, составила условие о разделе капитала, оставшегося в компании, между дочерьми. Н. П. Резанов становится совладельцем наследного капитала.

Последующие годы характеризовались резким обострением междоусобной борьбы различных промысловых компаний, доходившей иногда до вооруженных столкновений. Многие понимали, что для успешной промысловой деятельности необходимо компаниям объединиться. Но были и ярые противники объединения. Николай Петрович Резанов, обладая даром слова, светской ловкостью и связями в столице, сумел «уломать» противников объединения.

В 1797 году Николай Петрович был определен в Сенат секретарем, а через месяц — обер-секретарем. В этой должности он составил «Устав о цехах» и учредил раскладку поземельного сбора в Петербурге и Москве. За эту работу был награжден орденом Анны II степени и пансионом в две тысячи рублей в год.

Вскоре Н. П. Резанов, озабоченный проблемами пушной торговли, разрозненностью промысловых компаний обратился к Павлу I с запиской о необходимости соединения всех торговцев северного промысла. Император согласился с его просьбой. Восьмого июня 1798 года вышел именной указ Правительствующему сенату: «Полезны и выгоды, проистекающие для империи нашей, от промыслов и торговли, производимых верноподданными нашими по Северо-Восточному морю и в тамошнем крае Америки, обратили наше монаршее внимание и уважение. Посему, составившюся по предмету оных промыслов и торговли компании, повелеваем ей именоваться: под Высочайшим нашим покровительством Российско-Американская компания».

Этим указом во главе компании учреждалось четыре директора. Главная

контора компании переименовывалась в glavное управление и переводилась из Иркутска в Санкт-Петербург. Н. П. Резанов, назначенный уполномоченным корреспондентом компании, фактически выполнял функции правительственного контролера за ее действиями. Затем возглавил правление компании. Теперь он — государственный вельможа и предприниматель.

Двенадцатого марта 1801 года на престол взшел Александр I. Молодой император поддержал деятельность Российско-Американской компании. Он, члены его семьи и представители высшего петербургского общества стали акционерами РАК. К концу 1802 года число акционеров компании с семнадцати возросло до четырехсот. Самыми крупными акционерами оставались наследники Г. И. Шелихова.

Восемнадцатого июля 1801 года в семье Н. П. Резанова родился первенец — сын Петр, а шестого октября 1802 года — дочь Ольга. Через двенадцать дней после рождения дочери жена Резанова Анна Григорьевна умерла. Резанов свою жену очень любил, смерть ее тяжело переживал. У него появились намерения выйти в отставку, уехать из столицы в какую-нибудь глушь и заниматься воспитанием детей.

В 1802 году Н. П. Резанов через посредство министра коммерции графа Н. П. Румянцева подал царю записку, в которой указывал на неудобства доставления в новые русские владения провизии, строительных материалов и предлагал доставлять их морем, кругосветным путем прямо из Европы в Америку.

Сухопутный путь из западной части России в Охотск и далее в Русскую Америку для снабжения компании РАК был весьма неудобен и труден. Товары, доставляемые конным транспортом к берегу Тихого океана возрастали в цене в десятки раз. Поэтому в Санкт-Петербурге в заинтересованных кругах давно велись разговоры о необходимости доставки грузов РАК малоизвестным в России морским путем. Продвижению идеи кругосветного плавания активно содействовали адмирал Н. П. Мордвинов и министр коммерции, граф Н. П. Румянцев.

Император Александр I утвердил проект, для исполнения которого решено снарядить первую русскую кругосветную экспедицию.

ПОДГОТОВКА ЭКСПЕДИЦИИ

В 1802 году началась подготовка к первому российскому кругосветному плаванию.

Получив высочайшее позволение на организацию плавания вокруг света, правление Российско-Американской компании решило приобрести для этой цели корабли за границей. Учитывая военно-политическую обстановку в мире, пиратские грабежи судов в море, российское правительство решило комплектовать их экипажи военными моряками и отправлять в плавание под военным Андреевским флагом. Тогда вспомнили и об Иване Федоровиче Крузенштерне. К этому времени женившийся моряк ждал ребенка, подумывал о береговой жизни, но адмирал Мордвинов настоятельно предложил ему возглавить экспедицию.

В Гамбург, Копенгаген и Лондон были направлены представители РАК и по рекомендации И. Ф. Крузенштерна с ними отправлен морской офицер Ю. Ф. Лисянский, чтобы выбрать подходящие для плавания корабли. В Лондоне Юрий Федорович купил за двадцать пять тысяч фунтов стерлингов два корабля — «Леандру» и «Темзу», которые в России были переименованы в «Надежду» и «Неву». Позже в кругосветном плавании выяснилось, что купленные корабли «по очень дорогой цене», вовсе не новые. Корабль «Надежда», выдаваемый «за самый крепкий и прочный и только что в 1800 году построенный, найден штурманом 12 класса, Каменщиковым, старым уже девять лет, ибо усмотрено им внизу корабля выжженные клеимо того года (следовательно, построен в 1791 году), и что связи, на коих утверждены палубы, так сгнили, что крошатся от руки».

По этой причине в Бразилии экспедиции пришлось задержаться, сгнившие фок и грот-мачты пришлось менять на острове святой Екатерины. В таком же опасном для плавания состоянии «по рапорту корабельного подмастерья Корюкина» была и «Нева».

Существовала ли практика российского «отката» уже тогда, или лондонские продавцы попросту обманули «опытного моряка» Лисянского? Следствия по этому делу не проводилось.

В мае 1803 года главное правление Российско-Американской компании, в интересах которой готовилась экспедиция, официально назначило начальником экспедиции И. Ф. Крузенштерна, выдав ему инструкции,

в соответствии с которыми «суда экспедиции должны были иметь маршрут...».

И. Ф. Крузенштерн уже несколько месяцев, считая себя начальником экспедиции, активно занимался подготовкой к рейсу, формируя экипажи судов. Желавших было очень много. В штат экспедиции по его рекомендации зачислялись проверенные им совместной службой офицеры из добровольцев.

Незадолго до отплытия экспедиции Александр I, не желая отпускать Резанова в отставку, предложил безутешному вдовцу принять участие в планируемом кругосветном плавании. К первоначальной цели морской экспедиции была добавлена еще одна: установление торговых связей с Южным Китаем и Японией. Для этой дипломатической миссии Николай Петрович Резанов был назначен первым российским чрезвычайным посланником в Японию. Это было весьма проблематичное поручение, так как Япония уже сто пятьдесят лет вела политику жесткого изоляционизма.

В период подготовки экспедиции были запланированы разнообразные задачи экономического, политического, научного характера. Экспедиции и ее участникам посвящались статьи в газетах и журналах. Известия о ней проникли за границу. «Гамбургские ведомости» (№ 137, 1802 г.) сообщали: «Российско-Американская компания ревностно печется о распространении своей торговли, которая со временем будет для России весьма полезна, и теперь занимается великим предприятием, важным не только для коммерции, но и для чести русского народа, а именно, она снаряжает два корабля, которые нагружаются в Петербурге съестными припасами, якорями, канатами, парусами и прочим и должны плыть к северо-западным берегам Америки, чтобы снабдить сими потребностями русские колонии на Алеутских островах, нагрузиться там мехами, обменять их в Китае на товары его, завести на Уруппе, одном из Курильских островов, колонии для удобнейшей торговли с Японией...»

Не всем нравилась активность России в освоении восточных земель. Историк Карамзин писал об экспедиции и об отношении к ней различных кругов русского общества: «Англومان и галломаны, что желают называться космополитами, думают, что русские должны торговать на месте.

Петр думал иначе — он был русским в душе и патриотом. ... Нам нужно и развитие флота и промышленности, предприимчивость и дерзание».

«Живейшее и деятельное участие» в экспедиции проявила Императорская Академия наук, о чем сообщил ее президент граф Н. Н. Новосильцев. По его предложению Академия наук, «убежденная, что путешествие, предпринимаемое г-ном Резановым, будет плодотворным также и в научном отношении», приняла его в число своих почетных членов.

За месяц до отправления в плавание, десятого июля 1803 года, Резанов был награжден орденом Св. Анны I степени и ему был присвоен титул камергера двора Его Величества. Перед отплытием император Александр I вручил ему высочайший рескрипт, гласивший: *«Господин действительный камергер Резанов! Избрав Вас на подвиг, пользу Отечеству обещающий, как со стороны японской торговли, в которой Вам вверяется участь тамошних жителей, поручил я канцлеру вручить Вам грамоту, от меня японскому императору назначенную, а министру коммерции по обоим предметам снабдить Вас надлежащими инструкциями, которые уже утверждены Мною. Я предварительно уверяюсь по той способности и усердию, какие Мне в Вас известны, что приемлемый Вами отличный труд увенчается отменным успехом и что тем же трудом открытая польза государству откроет Вам новый путь к достоинствам, а сим вместе несомненно более еще к Вам же обретет Мою доверенность, Александр».*

После назначения Резанова полномочным посланником правление РАК внесло коррективы в ранее данные И. Ф. Крузенштерну инструкции и полномочия. Не отозвав прежнюю инструкцию, правление РАК направило дополнение к инструкции: *«... управление вас извещает, что Его Императорское Величество соизволил вверить... в начальство... действительного камергера и кавалера Николая Петровича Резанова в качестве чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра, но и сверх того Высочайше поручить ему благоволил все предметы торговли и самое образование Российско-Американского края, то главное правление... уполномачивая его полным хозяйским лицом не только во время вояжа, но и в Америке, и вследствие сего снабдило его особым от всея компании кредитивом...»*

И далее определены новые, более узкие, полномочия И. Ф. Крузенштерна: *«Предоставляя полному распоряжению вашему управление во время вояжа судами и экипажем и сбережением оного...»*

Значит, Крузенштерн становился теперь лишь водителем транспортного средства, доставляющего посла Н. П. Резанова в Японию и его же, «полного хозяйского лица», в Русскую Америку.

Могло ли это не уязвить самолюбия честолюбивого Крузенштерна? Мог ли боевой морской офицер, свыкшийся с мыслью о руководстве экспедицией, испытывать приязненные чувства к паркетному царедворцу, поставленному во главе экспедиции?

Судя по развитию дальнейших событий, «дополнение к инструкции» РАК Крузенштерн, скрепя сердце, оставил без внимания. Почему? Считал, указания купеческой компании — ему не указ? Но ведь он был нанят компанией на службу.

Вновь назначенному начальнику экспедиции Н. П. Резанову перед отплытием была выдана подробная инструкция, составленная министром коммерции Н. П. Румянцевым и подписанная Александром I, в которой недвусмысленно сказано: *«Корабли «Надежда» и «Нева», в Америку отправляемые, имеют главным предметом торговлю Российско-Американской компании, от которой они на собственный счет ее куплены, вооружены и снабжены приличным грузом... поручаются начальству Вашему».*

В этой же инструкции сказано: *«Предоставляя... Крузенштерну и Лисянскому во все времена вояжа Вашего командование судами и морскими служителями... и поручая начальствование из них первому, имеете Вы с Вашей стороны обще с г-ном Крузенштерном долгом наблюдать, чтоб вход в порты был не иначе, как по совершенной необходимости...»*

Знал ли об этой инструкции Крузенштерн? Позднее он утверждал, что не знал. Такого быть не могло! Во-первых, к готовящемуся беспрецедентному плаванью было приковано внимание всего города. О назначении Резанова начальником экспедиции знали почти все жители столицы еще до получения им «инструкции», в его честь слагались даже стихи. По городу давно ходили «слухи с подробностями о всех назначениях», о которых Крузенштерн, имевший связи при дворе, тоже не мог не знать. Во-вторых, на кронштадтском рейде перед

отходом в море корабль посетил император. Его посещение явилось праздником для команд и офицеров. Прощаясь, Александр в присутствии Крузенштерна обратился к Резанову: «Я уверен, что возглавляемая вами экспедиция, Николай Петрович, увенчается полным успехом».

Наконец, Резанов утверждал, что при посадке на судно, как и положено, он предъявил капитану инструкции, подписанные Александром I. Позднее, на следствии, это вынужден был подтвердить и сам Крузенштерн с оговоркой, якобы тогда ему было некогда, и он вернул бумаги Резанову непро прочтенными.

Мягко говоря, лукавил господин Крузенштерн. Он не хотел быть подчиненным Резанову и потому упрямо не хотел ничего знать и слышать о его назначении начальником экспедиции. Отказываться от рейса, видимо, тоже уже не хотелось. Давняя мечта о кругосветном плавании и желание прославиться были мощным побудительным мотивом. До поры до времени у него все складывалось хорошо, он свяксы с мыслью, что будет руководить экспедицией. Но внезапно на его пути возникла фигура Резанова, которого теперь он ненавидел больше всех. Ненависть эту он сохранил до конца своих дней.

Почему инструкция с высочайшим повелением не была доведена экипажам судов перед отправкой в море, а главное начальствующее лицо экспедиции Н. П. Резанов не был представлен морякам в Кронштадте должным образом? Этими вопросами задаются многие авторы, пишущие о первой русской кругосветке.

Вот как эту ситуацию видит Лев Васильевич Резанов, который в письме к С. В. Агте от девятого апреля 2004 года писал: *«Перед отплытием с директорами РАК уже было согласован другой капитан на головное судно. Крузенштерн был фактически навязан и принят по протекции вдовствующей властной императрицы Марии Федоровны и стоящей за ней статс-дамы Шарлоты фон Ливен, родственницы Крузенштерна, остзейской немки. Вот откуда такая заносчивость, грубость капитана к начальнику экспедиции и ее составу, да и сама «клеветность» указа Александра I, мягкого по натуре, избежавшего возражать матери. Вот эта скрытность, подковёрность принятия решений правящими кругами... Византийский синором. Безусловно,*

открытое означение экипажей и всех участников плавания с указом императора о назначении Резанова начальником экспедиции предотвратило бы драматические события. Да и утверждение без закулисья капитаном «Надежды» не столь амбициозного и вздорного человека, как Крузенштерн, за спиной которого стояла сама императрица, славы первопроходцев хватило бы и на начальника экспедиции и на капитанов».

С этим утверждением можно полностью согласиться. Но... Вызывает сомнение возможность реализации такого шага перед самым выходом в море. Сменить капитана, который сформировал команды кораблей «по образу и подобию своему», то есть из друзей и сослуживцев, весьма проблематично. Смена капитана могла спровоцировать демарш офицеров. А это грозило срывом всей экспедиции.

Не могли не знать правительственные и придворные сановники об амбициях Крузенштерна и о такой ситуации. Знали, что назначение начальником кругосветной экспедиции придворного аристократа Н. П. Резанова стало чувствительным ударом по самолюбию профессионального моряка, которого не устранила роль лишь «командира по морской части».

Как позже писал Крузенштерн, он бы не вышел в море под началом Резанова.

Но ведь вышел, сделав вид, что ничего не знает о назначении Резанова начальником экспедиции.

Глухо ненавидя Резанова, он, видимо, уповал на традиции английского флота, которые усвоил ранее у англичан. Там капитан судна — второй после бога человек на корабле. «Выйдем в море, посмотрим, кто хозяин на судне», — примерно так мог думать Крузенштерн.

Единоначалие капитана на корабле с давних пор стало уставным законом на судах всех стран мира. Это обусловлено безопасностью мореплавания. Никто не вправе вмешиваться в действия капитана, ведущего судно по заданному курсу. Но ведь никто не пытается отнять вожжи даже у кучера, везущего пассажиров. Хотя пассажиры диктуют кучеру, куда их везти.

Можно предвидеть возражения по поводу сравнения океанского судна с дипломатом или любым современным транспортным средством. Несомненно, ответственность капитана судна несоизмеримо выше. Но не надо преувеличивать, будто всякий капитан — политик, дипломат, уче-

ный. Судно тем не менее — это тоже всего лишь транспортное средство, доставляющее грузы и пассажиров в назначенное место. В нашем случае паруснику «Надежда» и его капитану Крузенштерну предписывалось доставить посла России в Японию.

Да, византийский синдром... Келейно принятые решения при дворе не оглашались должным образом, видимо, в надежде, что

«все само собой как-то утрясется», когда Крузенштерну отступать будет некуда. По сути, не расставив все акценты и точки в полномочиях главных лиц на берегу, в море были отправлены Н. П. Резанов и И. Ф. Крузенштерн, словно два медведя в одной берлоге. Это изначально закладывало глубокий конфликт между ними и последующие драматические события.

КОНФЛИКТ НА «НАДЕЖДЕ» В XIX ВЕКЕ

Двадцать шестого июля 1803 года при большом стечении народа «Надежда» и «Нева» после торжественных проводов, салютуя выстрелами корабельных пушек, вышли в море. После предрейсовой суety у моряков с выходом в море обычно наступает короткий период адаптации к размеренной судовой жизни. Возбуждение сменяется умиротворенным состоянием. Конфликты маловероятны.

Известно, что неприязнь Крузенштерна к Резанову после выхода в море некоторое время держалась в рамках внешних приличий, хотя мира между ними быть не могло. Но вскоре отношения их обострились.

Приведем отрывок из статьи А. Сгибнева, опубликованный в историческом сборнике «Древняя и новая Россия» в 1877 году. «Резанов поместился с членами посольства на корабле «Надежда», которым командовал Крузенштерн. Последний был, по-видимому, крайне недоволен присутствием на его отряде лица, не только ему не подчиненного, но даже имевшего над ним власть, как представитель России при предстоящих переговорах с Японией и как уполномоченный от компании, ради интересов которой была снаряжена сама экспедиция. Крузенштерн с начала плавания стал в неприязненные отношения к Резанову и постоянно искал повода к ссоре с ним. Повод этот скоро представился. Для обоих судов морскую провизию заготавливала компания. Крузенштерн, предполагая по некоторым данным, что провизия эта приготовлена небрежно, упрекал в этом Резанова, как представителя компании, хотя Резанов в деле этом виновен был столько же, сколько и сам Крузенштерн.

Этот мелочный случай, как и множество других, обнаруживал только желание Крузенштерна унижить в глазах своих подчиненных значение Резанова на отряде и,

как ниже мы увидим, вполне достиг своей цели».

Поводов для скандалов капитан находил много. А когда Резанов заявил о своих правах на роль руководителя экспедиции, Крузенштерн в донесениях в Главное правление РАК неоднократно стал писать, «*что он, Крузенштерн, призван по Высочайшему повелению командовать над экспедицией, и что она вверена Резанову без его ведения, на что он никогда бы не согласился; что должность его не состоит только в том, чтобы смотреть за парусами...».*

Апогей скандальных отношений описал сам Н. П. Резанов в рапорте камчатскому коменданту генерал-майору Кошелеву. Приведем его.

«Апреля 25-го дня, пришед в острова Мендозины, капитан-лейтенант Крузенштерн отдал приказ не выменивать у диких никому, кроме лейтенанта Ромберга и доктора Эспенберга, коим поручено было прежде выменивать свежие жизненные припасы, которых на корабле уже не было. О распоряжении своем должен бы капитан из вежливости прежде известить меня, но как начальство уже давно им не уважалось и к оскорблениям его привыкло, а приказ содержал настоящую пользу, то и не было ему ни слова от меня сказано. Мена началось на отломки железных обручей, выменивали одни кокосы и хлебные плоды, коими запасались в изобилии, а как дикие более ничего не привозили, то вскоре и разрешено было от капитана покупать редкости, я просил его позаботиться о коллекции для Императорской кунсткамеры. Ответ был: «хорошо»; но не исполнен. Когда выменивал я сам на железки их раковины, капитан подошел ко мне и сказал, что железо для корабля нужно, и чтобы я выменивал на ножи; началась у всех мена на ножи, но я ничего получить не мог, и сколько ни просил, что это не для

меня, но для императорского кабинета сие не только было неуважено, но еще с грубостями вырываемо у тех из рук, кому дал я на вымен приказание. Я принужден был дать приказчику Шемелину повеление, чтоб он съездил на берег и там выменял; наконец на ножи и уже не меняли и когда Шемелин употребил компанейские товары на вымен, то они тотчас были у него отобраны и от капитана клерку отданы. Чувствуя такие наглости, увидя на другой день на шканцах Крузенитерна, что было мая 2-го числа, сказал я ему: «Не стыдно ли вам так ребячиться и утешаться тем, что не давать мне способов к исполнению на меня возложенного». Вдруг закричал он на меня: «Как вы смели мне сказать, что я ребячусь». — «Так, сударь мой, сказал я, весьма смею, как начальныя ваши». — «Вы начальник! Может ли это быть? Знаете ли, что я поступлю с вами, как не ожидаете?» — Нет, отвечал я, не думаете ли и меня на баке держать, как Курьянцева? Матросы вас не послушают, я сказываю вам, что ежели коснетесь только меня, то чинов лишены будете. Вы забыли законы и уважение, которым вы и одному чину моему уже обязаны». Потом удалился я в свою каюту. Немного спустя, вбежал ко мне капитан, как бешеный, крича: «Как вы смели сказать, что я ребячусь, знаете ли, что есть шканцы? Увидите, что я с вами сделаю». — Видя буйство его, позвал я к себе надворного советника Фоссе, титулярного советника Брыкина и академика Курьянцева, приказал им быть в моей каюте и защищать меня от дальних наглостей, кои мне были обещаны. Потом капитан съездил на «Неву» и вскоре возвратился, крича: «вот я его проучу». Спустя несколько времени, приехал с «Невы» капитан-лейтенант Лисянский (командир «Невы») и мичман Берг, созвали экипаж, объявили, что я самозванец и многия делали мне оскорбления, которые, наконец, при изнуренных уже силах моих повергли меня без чувств. Вдруг положено вытащить меня на шканцы к суду. Граф Толстой бросился было ко мне, но его схватили и послали лейтенанта Ромберга, который, пришед ко мне, сказал: «Извольте идти на шканцы, офицеры обоих кораблей вас ожидают». Лежа, почти без сил, отвечал я, что не могу идти по приказанию его. «Ага! — сказал Ромберг, — как браниться, так вы здоровы, а как к разделке, так больны». Я сказал ему, чтоб он прекратил

грубости, которые ему чести не делают и что он отвечает за них будет. Потом прибежал капитан. «Извольте идти и нести ваши инструкции, кричал он, оба корабля в неизвестности о начальстве и я не знаю, что делать». Я отвечал, «что довольно уже и так вашего ругательства, я указов государевых нести вам не обязан, они более до вас нежели до офицеров касаются, и я прошу оставить меня в покое»; но слыша крик и шум: Что трусить? Мы его уже! Решился я выдти с высочайшими повелениями. Увидя в шляпе Крузенитерна, приказал ему снять ее, хотя из почтения к императору и прочтя им высочайшее мне поручение начальства, услышал хохот и вопросы, кто подписал? Я отвечал: «Государь ваш Александр». — «Да кто писал?» — «Не знаю, сказал я». — «Тот не знаю, кричал Лисянский, мы хотим знать, кто писал, а подписать-то знаем, что он все подпишет». Наконец все, кроме лейтенанта Головачева, подходили ко мне со словами, что я бы с вами не пошел и заключили тему: «ступайте, ступайте с вашими указами, нет у нас начальника, кроме Крузенитерна» иные со смехом говорили: «да он, видишь, еще и хозяйствующее лицо компании». «Как же, кричал Лисянский, и у меня есть полухозяин-приказчик Коробицын!». А лейтенант Ратманов дополнил: «он будет у нас хозяином в своей койке; еще он прокурор, а не знает законов, что где объявляет указы» и, ругая по-матерну, кричал: «его скота заколотить в каюту». Я едва имел силу уйти в каюту и заплатил жестоко болезнью, во время которой доктор ни разу не посетил меня, хотя все известны были, что я едва не при конце жизни находился. Ругательства продолжались, и я принужден был, избегая дальних дерзостей, сколь ни жестоко мне было проходить экватор, не пользуясь воздухом, высидеть, никуда не выходя, до самого окончания путешествия и по прибытии в Камчатку вышел первый раз из каюты своей.

Из рапорта Н. П. Резанова И. Ф. Крузенштерн предстает мелочным, несправедливым, истеричным человеком, в котором за месяцы плавания накопилось столь много раздражения и патологической ненависти к Резанову, что хватили искры, чтобы он взорвался и потерял самообладание.

А повод-то был смехотворный. В общем-то, безобидное слово «ребячиться» вызвало бурю эмоций у капитана. Это напоминает знаменитый рассказ Н. В. Гоголя

«Повесть о том, как Иван Иванович поспорил с Иваном Никифоровичем». Один другого назвал гусакон, а суду разбираться до конца их дней.

«Знаете ли, что есть шканцы?» — кричал, как бешеный, «морской волк» штатскому «ягненку». А что, в самом деле, есть шканцы? Часть более-менее свободной палубы, где может собраться экипаж. Бывалый моряк Крузенштерн перед Резановым многозначительно «гнет пальцы», намекая на якобы особый статус этого места. Современные «исследователи» этой ссоры с придыханием сообщают: «у моряков это особо почитаемое место». Ну, прямо, корабельный алтарь. Да чушь... Вахтенные офицеры Ратманов, Ромберг и другие на шканцах ежедневно переменяли команды матросам отборным матом, и это не считалось святотатством. А слово «ребячиться» вызвало бурю эмоций у капитана.

Но можем ли мы полностью доверять Н. П. Резанову? Есть свидетели тех событий, которые всю вину за скандалы возлагают только на посла, считая капитана во всем правым. К ним мы еще обратимся. Будем пока держать в уме мудрую народную истину: в ссоре двух сторон часто повинны обе.

Дальнейшее разбирательство этого дела комендантом Камчатки подтвердило правоту Резанова. По факту бунта на корабле против высокопоставленного чиновника, облеченного императорским доверием, генерал-майор Кошелев проводил следствие во всей форме процессуального протокола. Опрашивал всех офицеров, делал очные ставки. Вина И. Ф. Крузенштерна и его офицеров была доказана, они признали ее и, когда поняли, чем может закончиться дело, просили прощения и примирения.

О причинах противостояния Крузенштерн — Резанов авторы многих публикаций не имеют единой точки зрения. Например, наш виртуальный друг (по переписке) В. С. Агте в статье «Крест командора» рассматривает три версии: «... первая, общепринятая. Крузенштерн был обижен, что не его, а Резанова назначили начальником экспедиции, и он дал волю своему дурному характеру». Но это же очевидно.

«Версия вторая, не противоречащая, но дополняющая первую. Несмотря на характеристики Резанова, по сути, идеализирующие его, из его же собственных писем и донесений можно увидеть, что его характер не был таким уж идеальным (идеальных людей во-

обще не бывает), и конфликт подогрелся с обеих сторон». О непростом характере Резанова говорит Любовь Рак в статье «Любовь командора». Она цитирует рассказ преподавательницы Сибирского аэрокосмического университета Анны Сурник, которая долгое время увлеченно собирала о Резанове сведения и документы: «Читала я дневники попутчиков по экспедиции... литературный герой и Резанов настоящий — небо и земля. Резанов, оказывается, был страшным матерщинником. Своего слугу Александра нещадно бил тростью за любую провинность. Резанов был героем своего времени — человеком жестким и амбициозным, крепостником, одним словом».

Третью версию Владимир Сергеевич рассматривает в контексте мировой истории того периода. Резанов был активным (если не самым активным) сторонником присутствия России на американском континенте. Это противоречило интересам Англии. Поэтому автор допускает агентурное влияние Англии на конфликтную ситуацию в кругосветной экспедиции с целью ее срыва.

Без тщательного изучения и анализа исторических документов того времени эту версию ни подтвердить, ни опровергнуть нельзя. Но мотив у Англии был, и эту версию преждевременно исключать не надо.

Н. П. Резанов, остро страдавший в рейсе от придинок Крузенштерна, понимал, что ссора вредит делу экспедиции. После извинений Крузенштерна и всех его офицеров в присутствии коменданта Кошелева, он согласился на примирение. По его просьбе Кошелев приостановил отправку документов следствия в Иркутск генерал-губернатору и далее в Санкт-Петербург. Более того, Резанов отправил царю письмо с выражением благодарности экипажам судов. Похоже, этот благородный жест впоследствии не был оценен Крузенштерном.

С Камчатки посольство во главе с Резановым на «Надежде» отправилось в Японию.

Продержав полгода русское посольство в Нагасаки, японцы отказались устанавливать торговые отношения с Россией. Царские подарки вернули. Кроме самоизоляции, у японцев, по мнению Владимира Трофимова, была другая причина срыва переговоров. Японцы хотели создать неопределенность статуса Курильских островов, чтобы впоследствии иметь возможность оспорить их принадлежность России.

Вскоре Крузенштерн снова подал повод к скоре с Резановым. Он стал распространять между своими офицерами слух, что неудача переговоров с японским правительством произошла оттого, что посланник более заботился о выгодах Русско-Американской компании, нежели об интересах правительств.

«Дальнейшие события показали, что извинения Крузенштерна были лишь уловкой, неискренней и лицемерной», — пишет Лев Васильевич Резанов, ссылаясь на «Русские в истории Америки» русско-американского писателя Виктора Петрова; «Кастильские розы командору Резанову» Владимира Трофимова; «Ключи от заколдованного замка» К. Бадигина.

Резанов не мог больше находиться на одном судне с Крузенштерном.

После провала дипломатической миссии в Японии пути Резанова и Крузенштерна разошлись. Далее каждый совершал подвиги во имя России отдельно друг от друга.

Резанов, уходя из Нагасаки, предупредил японцев, чтобы они не проникали на российской территории севернее Матмая (Хоккайдо).

В августе 1805 года из Петропавловска на бригантине «Святая Мария» он направился с инспекцией во владения Русско-Американской компании на Аляске. В это время на Аляске был голод. Резанов купил у американского коммерсанта фрегат «Юнона» со всеми припасами, большую часть которых передал голодающему населению Русской Америки. Одновременно приказал строить небольшой тендер «Авось». Сам отправился на «Юноне» в испанскую Калифорнию для решения вопроса поставки продовольствия в русскую Аляску. Благодаря своему обаянию, знанию пяти языков, Резанову удалось успешно решить поставленную задачу. В этом не в малой степени помогла романтическая встреча Резанова с дочерью местного коменданта пятнадцатилетней Кончитой. Обручившись без огласки с католичкой, он получил большие возможности в приобретении продуктов.

В мае 1806 года «Юнона», доверху груженная продовольствием, отправилась к Аляске. Это спасло голодающее население от вымирания.

Перед отплытием в Охотск Резанов по собственной инициативе приказал капитанам судов «Юнона» и «Авось» лейтенанту Хвостову и мичману Давыдову совершить карательный рейд по берегам Сахалина и

Курильских островов. Кораблям надлежало истребить там японские суда, чтоб «никогда они Сахалина как российского владения посещать иначе не отваживались, как приезжая для торга».

Русские морские десанты освободили угнетаемых японцами айнов, сожгли несколько японских поселений, захватили пленных, водрузили российские флаги и даже успели принять в российское подданство часть айнов. Державин воспел этот рейд в стихах.

Некоторые исследователи уверены, что такими действиями Резанов и его сподвижники на много лет сдержали японскую экспансию в сторону русских владений, сохранили для России Курилы и Сахалин.

Однако на родине капитаны Н. А. Хвостов и Г. И. Давыдов за этот рейд были арестованы и преданы суду.

Возвращаться в Петербург Резанов решил сухопутным путем. Зимой скакать верхом на лошади через всю Сибирь отважиться мог или безрассудный человек, или очень спешащий. Резанов торопился. У него было очень много планов по освоению Русской Америки. А кроме того, в Калифорнии его ждала невеста.

По дороге в Петербург Резанов не вынес тягот дороги «вокруг света» и простуды, заболел и первого марта 1807 года в Красноярске умер. Там похоронен и на двести лет практически был забыт потомками.

Державин считал, что Резанов «умер от неприятностей, учиненных ему завистью его подчиненных...». Псковский исследователь И. Н. Ермолаев предполагает, что есть и другие версии, связанные, в частности, с цепью таинственных смертей основных наследников капитала РАК, к числу которых принадлежал и Резанов. Этот намек документально не подтвержден. Но основания для предположений могут тоже скрываться в большой политике.

Можно только предполагать, как сложилась бы судьба Русской Америки, карьера самого Резанова, если бы он не умер преждевременно. Был бы он забыт в России на двести лет? Или его подвиг и слава стали бы примером для подражания молодым людям?

В 1960 году адмирал США Ван Дерс писал: «Н. П. Резанов был человеком большой прозорливости... Кто знает, если бы не его случайная смерть, то, может быть, в настоящее время Калифорния была бы не американской, а русской!»

Главной заслугой Н. П. Резанова является активное участие в присоединении к России Аляски, Сахалина и Курильских островов, считает Л. В. Резанов.

Крузенштерн после японской миссии продолжил на «Надежде» кругосветное плавание. Через Китай, обогнув Африку, он благополучно вернулся на родину. В Кронштадте его встречали как героя.

Казалось бы, обрушившаяся на него слава первопроходца и смерть Резанова должны были сделать его великодушным. Но нет, ненависть к Резанову Крузенштерн сохранил до конца своих дней.

По возвращении он издал книгу «Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева».

В 1811 году Крузенштерн был назначен инспектором классов морского кадетского корпуса.

В 1814 году он разработал инструкцию и принял участие в снаряжении кругосветной экспедиции 1815–1818 годов под руководством Отто Коцебу, младшего офицера, ходившего с ним в первую кругосветку на «Надежде».

Из-за скверного характера и разногласий с морским министром он вынужден был выйти в бессрочный отпуск и занялся созданием «Атласа Южного моря».

В 1827 году назначен директором морского кадетского корпуса и членом адмиралтейств-совета. Стал адмиралом. В 1845 году был в числе учредителей Русского географического общества, состоял почетным членом Петербургской академии наук и многих иностранных научных обществ.

Он умер в 1846 году в возрасте семидесяти пяти лет, вписав свое имя в историю. Его именем названо двенадцать географических объектов, с его именем на борту бороздит воды Мирового океана четырехмачтовый парусник.

ПРОШЛО ДВЕСТИ ЛЕТ

Имя И. Ф. Крузенштерна в нашей стране знает каждый дошкольник. Его имя звучит в песнях и даже в детских мультфильмах. Написано много хвалебных статей и научных трудов, ему посвященных.

Из чувства справедливости иногда встречаются статьи «не как все». В военно-историческом вестнике № 1 за 1999 год напечатана статья А. Ю. Плотникова «Под флагом «Надежды», где автор пишет: «Таким

Большинство биографических работ о И. Ф. Крузенштерне написано в умирительно-благостном тоне. Но мало кто знает, что это был тяжелый в общении с людьми человек. Двадцать первого января 1839 года был у него пятидесятилетний юбилей флотской службы. Вот как об этом пишет в своих дневниках современник Крузенштерна адмирал Ф. П. Литке: «Сегодня торжествовали, наконец, юбилей И. Ф. Крузенштерна. Корпусные офицеры затеяли его под исход прошедшего года. Князь Меншиков с оговорочками согласился; государь позволил. Депутация, посланная в Кронштадт, встретила однако ж неожиданную оппозицию и в общем мнении, и даже со стороны некоторых адмиралов. Не оправдывая этого, должно сказать, что такая оппозиция совсем не была неожиданна для тех, кто следил за делами в последние годы. Адмирал Крузенштерн, при всех своих достоинствах, не умел внушить никому к себе интереса. Флот вообще был уже несколько лет недоволен тем, чем снабжал его (кадетский) корпус. Выпускаемые офицеры не уносили с собой ни чувств признательности к директору, ни приятных воспоминаний о корпусном времени. Сверх того, Крузенштерн совершенно изолировал себя от всех уже давно. Ни с кем из флотских: ни со старыми, ни с молодыми, — не имел он никаких связей: ни хлебосольных, ни просто приятельских. Так очень натурально, что предложение о небывалом во флоте торжестве в честь его, было встречено всеми холодно, а некоторыми — совершенно неприязненно. Словом, дело шло так вяло, что, опасаясь посмешища, князь Меншиков приказал Колзакову написать к Крузенштерну конфиденциально, чтобы он под каким-нибудь благовидным предлогом отказался от юбилея...»

образом, вопреки укоренившемуся мнению, начальником первой русской кругосветной экспедиции до своего отъезда в Америку в июне 1805 года был именно Резанов, а не И. Ф. Крузенштерн, которому совершенно незаслуженно приписывается руководство кругосветным плаванием 1803–1806 гг. Крузенштерн с самого начала относился к Резанову крайне враждебно и сделал все для того, чтобы не только очернить его имя, но и

присвоить себе славу и успех, достигнутые в ходе плавания россиян вокруг света».

При всем том, никому уже не удастся стереть его имя из памяти потомков.

Н. П. Резанов как государственный деятель широко известен за рубежом. В России его имя после долгих лет забвения зазвучало в конце XX века в рок-опере ««Юнона» и «Авось»». Здесь он предстает в образе романтического героя, которого всю жизнь ждала калифорнийская невеста Кончита. В прессе стали появляться умильные, и не только, статьи о камергерере...

В ознаменование юбилея со времени выхода экспедиции в первую русскую кругосветку в журнале «Вокруг света» № 2 за 2004 год была напечатана статья «Одна «Надежда» на двоих» Алексея Постникова и Дмитрия Иванова, которые решили научно заполнить «белые пятна» в истории этой экспедиции, а заодно познакомить читателя с «реальным» образом Резанова. К ним со своими комментариями присоединились «крупнейший специалист по истории русско-американских связей XVIII–XIX веков» Лидия Сергеевна Блэк, живущая на Аляске, и «лучший знаток истории первой русской кругосветной экспедиции» Леонид Михайлович Свердлов. Уж не того ли Свердлова потомок?

Эта статья являет собой яркий образец заведомо тенденциозного отношения авторов к героям первой кругосветки. Несмотря на кажущуюся научную объективность академических историков, с первых строк понятно, кто «плохой», а кто «хороший». «Основываясь на материалах Ратманова, можно с уверенностью сказать, что экспедиция достигла успеха именно благодаря действиям Крузенштерна», — утверждают авторы.

Далее в статье они воспроизвели хрестоматийные заслуги И. Ф. Крузенштерна, добавив ему от себя ряд эпитетов: «Это был необыкновенно приветливый, справедливый и обаятельный человек, о гуманности и вежливости которого ходили анекдоты». Да, уж... Это сам по себе анекдот. Откуда авторам стало это известно, они не сообщают (см. дн-к Ф. П. Литке).

А вот на имя и честь безвременно умершего Резанова авторы, вопреки историческим фактам и свидетельствам, возвели только хулу, не сказав ни одного доброго слова о нем.

Госпожа Блэк пишет: «Резанов никогда не был ни учредителем, ни директором

РАК, он являлся одним из членов правления компании, получив эту должность как зять Г. И. Шелихова». А далее она дала волю своей ненависти и к русской истории, и к покойному Резанову, словно в ней воплотился дух самого Крузенштерна. Иначе чем объяснить ее голословные утверждения: «О степени порядочности Резанова можно судить хотя бы по тому, что доверенные ему перед отправкой экспедиции казенные деньги... бесследно исчезли». И объявляет приговор: «По моему мнению, вклад Резанова в достижение экспедиции ограничивается провалом единственного серьезного порученного ему дела — японского посольства. И тут я совершенно согласна с оценками Ратманова — именно Резанов своей неуклюжей дипломатией разрушил ту основу, которая была заложена экспедицией Лаксмана».

Вопрос, на какие деньги Резанов купил «Юнону», строил «Авось», покупал в Калифорнии продовольствие, обустроивал быт в Русской Америке, авторы обошли молчанием.

Удивительно, как ловко эти «патриоты» насилуют русскую историю, перемежая исторические факты с собственными домыслами и вынося безапелляционные приговоры и оценки героям того плавания.

По мнению А. Постникова и Д. Иванова «Изворотливость Резанова, умение интриговать и заводить нужные знакомства составили ему крайне противоречивую репутацию».

А вот авторы популярнейшей энциклопедии «Британика» оценивают его иначе: «Резанов — первый русский, обогнувший весь земной шар. Император Александр I говорил ему: «Я и Отечество ждем от вас жертвы». Эта жертва оказалась слишком тяжелой, человеческие силы не выдержали... Но это не умаляет значения и ценности Резанова как одного из выдающихся деятелей своего времени. Красавец с волевыми чертами лица, умный, высокоинтеллигентный, светский, очаровательный, мужественный, смелый — Резанов представлял собой идеальный тип Русского аристократа духа и тела — творителя России. Ни один русский государственный деятель не приобрел за границей, несмотря на вековую неприязнь и даже ненависть к России, такой трогательной симпатии, как Резанов».

Приведем еще одно свидетельство из не менее авторитетного российского издания. В энциклопедическом словаре Ф. А. БРОКГАУЗА и И. А. ЕФРОНА 1890 года написано:

«Резанов (Николай Петрович, 1764–1807) — госуд. деятель и писатель; был правителем канцелярии у Г. Р. Державина, затем обер-секретарем сената. Был послан в восточную Сибирь «для заведения морского дела и упорядочения судостроения»; позже заведывал в СПб. делами российско-американской компании. По его мысли была снаряжена первая русская кругосветная экспедиция; он был назначен главным ее начальником; помощниками его были Крузенштерн и Лисянский. Вместе с тем, в качестве полномочного посланника, он получил поручение обозреть и устроить наши владения в Сев. Америке и завести торговые сношения с Японией и Китаем. Выступившая в 1803 г., экспедиция прибыла в Японию в 1805 г., японцы не приняли ее, и Р., прогнав с Сахалина японцев и подчинив его русской державе, поехал обратно в СПб., но на пути скончался».

Авторы статьи «Одна «Надежда» на двоих» проигнорировали эти сведения. Они изложили свою концепцию в соответствии с «вновь открытым источником», то есть дневниками лейтенанта Ратманова.

КТО ЖЕ ТАКОЙ РАТМАНОВ?

Макар Иванович Ратманов родился 25 июля 1770 года в Псковской губернии. В 1784 году поступил в Морской Кадетский корпус, был ровесником Крузенштерна. По причине начавшейся войны, не закончив обучение, был выпущен досрочно вместе с ним и Лисянским. В 1788 году произведен в мичманы. Участвовал в Русско-шведской войне. За храбрость получил чин лейтенанта. Служил в эскадре Ф. Ф. Ушакова в Средиземном море.

В 1801 году Ратманов переведен на Балтику. В 1802 году Крузенштерн пригласил его на свой шлюп «Надежда», возложив на него обязанности первого лейтенанта. В ходе кругосветного плавания М. И. Ратманов произведен в капитан-лейтенанты и награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. В Русском музее сохранился его портрет. Из-за цвета волос на судне звали его «Рыжим», Лисянского — «Каурым».

Для знакомства с его характеристикой обратимся к заведующей отделом комплектования Центральной военно-морской библиотеки Ольге Михайловне Федоровой и ее статье «В путешествие Крузенштерна: архивные дневники М. И. Ратманова».

Неприкрытой предвзятостью и однобокостью освещения исторических событий статья эта возмутила автора исторического романа «Кастильские розы командору Резанову» Владимира Трофимова, который в статье «Я обвиняю Крузенштерна», опубликованной в газете «Совершенно секретно» (версия в Красноярске №№ 6,7,8,9) выступил за Резанова. Назвав авторов статьи псевдоисториками, Владимир Трофимов пишет: «авторы..., строят свою версию первого кругосветного плавания россиян, постоянно ссылаясь на записи Ратманова. В статье также приводятся комментарии «знатока» этой экспедиции Л. М. Свердлова и любящей историю России издалека госпожи Л. С. Блэк, давно живущей в США, которые в своих «трудах» так же часто ссылаются на записи Ратманова, как и первые двое. И так как мироощущения лейтенанта Ратманова по понятным причинам были примитивны по сравнению с оними у Резанова, то и авторы статьи, опираясь на мнения Ратманова, не смогли явить миру понимание всемирной истории на уровне Резанова».

На основании архивных источников Ольга Михайловна пишет: «Он (Ратманов) громогласно командовал на шканцах, был прямодушен до грубости, критиковал всех и вся, в том числе и капитана Крузенштерна (особенно, когда, получив чин капитан-лейтенанта, перестал стоять вахты, заважничал и обленился)». Она же приводит дневниковые записи участника того же плавания Е. Е. Левенштерна о Ратманове: «... все у него некстати; гордость, презрение и хвастовство. Знания его не превосходят знания любого из нас, и так как известно, что чин ума не придает, то ему приходится выслушивать много неместного; Гордость Ратманова, его самомнение, сварливость, его глупые предсказания и бесполезное командование — невыносимы, особенно потому, что эти его свойства сочетаются с суровыми, грубыми и невежливими манерами».

По прочтении дневников Ратманова, он предстает в образе этакого поручика Ржевского из расхожих анекдотов. Бравый морской офицер, отважный мореплаватель, обошедший «около света», человек непосредственный, со своеобразным чувством юмора.

Ольга Михайловна Федорова попутно упоминает в прямой фальсификации того же академика РАЕН А. В. Постникова, одного из авторов пресловутой статьи «Одна «Надежда» на двоих», объявившего в своих «трудах» Ратманова англичанином. Эта «утка» ходила еще при жизни Ратманова, и он сам отрицал свое английское происхождение. Ратманов не знал даже английского языка, о чем признался, описывая курьезный случай в своем дневнике.

Во время стоянки в Фалмуте ему «случилось быть с товарищем на берегу, которому язык здешний довольно знаком». Товарищем этим был лейтенант Федор Ромберг. Прогуливаясь, приятели увидели двух дам, «к которым товарищ мой, подойдя, переговорил с обеими, подал той и другой свои руки и, подведши ко мне, сказал, чтобы я взял одну из двух». Несмотря на языковой барьер, Ратманов «з большею приятностию» вкусил «сладость пола, нами часто обожаемого» и только потом узнал, что они развлекались с женами городских купцов, «мужья которых по своим коммерциям отлучены».

Кстати, за подобные «приятности» Ратманов резко осуждает Резанова с позиций моралиста: «А у нашего посла украли на берегу 49 таллеров и золотую табакерку — ничего странного слышать, что сие попало в те руки, которые доставали послу и белых и черных непотребных женщин — в бытность посла на берегу мало делал России чести, ибо которым было отказано от португальцев общества, а его превосходительство ежудневно делал визиты, для того чтобы утолить свое сладострастие».

Рукописное наследие М. И. Ратманова пока остается еще мало изученным — пишет О. М. Федорова. Существует три авторских варианта дневника, хранящихся в России и в Национальной библиотеке Франции.

На корабле Ратманов, видимо, писал одновременно два дневника. Зачем он это делал, объясняет фраза Е. Е. Левенштерна: «По приказанию Чичагова каждый офицер после окончания кампании должен представить свой журнал». Участники плавания знали также, что личные журналы офицеров экспедиции Дж. Кука Английское Адмиралтейство просто отобрало. Не желая рисковать, М. И. Ратманов вел два дневника.

Возможно, Ратманов начинал морской дневник в качестве официального, для сдачи в Адмиралтейств-коллекцию. «...В нем нет ни одного упрека в адрес посла Н. П. Реза-

нова, совершенно не упоминается о противостоянии капитана и посла на Маркизских островах и на Камчатке».

«Неоконченный вариант дневника из НРБ, — пишет О. М. Федорова, — как мне представляется, также был написан на корабле, для себя лично и предназначался не для предъявления начальству, а для друзей. В этом варианте Н. П. Резанов уже с первой страницы объявлен «нископоклонником».

В своих дневниках М. И. Ратманов почти не повторялся, повествуя в трех версиях об одних и тех же событиях по-разному.

Он считался образованным офицером, говорил по-французски. Но с родным русским у него были большие проблемы. Он писал «гасударь», «афицер», «нарот», «площадь» «зделать», «началиник», а чащу «не» никогда не отделял от глагола (небудут, неедит). Зато матерным языком он владел виртуозно.

Заподозрить Ратманова в объективном изложении событий на борту «Надежды» и действий Резанова никак невозможно. Во-первых, его офицерский снобизм как «участника войны» в отношении к придворным аристократам изначально закладывал неприятие скороспелого камергера Резанова. Своего недоброжелательного отношения к Резанову он не скрывал с момента первой встречи у борта «Надежды». Он, старпом, принимая на борт и размещая свиту Резанова, потребовал сократить ее.

Во-вторых, Ратманов считал себя другом Крузенштерна. Об этом он писал из Бразилии товарищу министра П. В. Чичагову: «А как я предпринял вояж сей по дружбе с капитан-лейтенантом Крузенштерном, которую издавна к нему имею, то сим покорнейше прошу В. П. и меня, как старшего морского офицера, от начальства господина Резанова избавить и вместе с капитан-лейтенантом Крузенштерном возвратит в Россию».

Понятно, на чьей стороне мог быть Ратманов в споре Крузенштерна с Резановым. Ждать от него объективности не приходится. Однако А. Постников и Д. Иванов, ссылаясь исключительно на дневники Ратманова, вносят историческую «справедливость» в события двухсотлетней давности.

Случайно ли авторы статьи «Одна «Надежда» на двоих» «постоянно ссылаются» на дневники Ратманова, как «неопровержимый» исторический источник? Конечно, нет. Он оказался кстати фальсификатором российской истории.

Свою лепту в «исправление» истории вносит член разных ученых советов Борис Комиссаров в статье «Г. И. Лангсдорф и Русская Америка», ссылаясь на дневники лейтенанта Е. Е. Левенштерна, он, не утруждая себя доказательствами, собрал все ругательные эпитеты русского языка, перечислил их через запятую после фамилии Резанов, полагая, что читатель должен ему поверить. Но таких жутких людей в принципе не бывает на свете. Даже самые одиозные исторические персонажи не могут соответствовать всем эпитетам, которыми Комиссаров наградил Резанова. За что?

Кому и зачем нынче понадобилось так откровенно извращать историю?

На первый взгляд это кажется странным — за рубежом Резанова помнят и чтят его подвиг, а отечественные «историки» на него клеветают. Почему?

Если отбросить предположение, что академик РАЕН А. Постников подписал подготовленную каким-нибудь аспирантом заказную статью не глядя, то остается предположить, что академик сознательно кладет свой научный авторитет на весы тех, кто стремится переписать российскую историю с корыстной целью.

Вот тут и приходит на ум «третья версия» Владимира Сергеевича Агте о причинах непримиримого конфликта Крузенштерн — Резанов. Он проецирует в частный случай на борту «Надежды» интересы большой мировой политики. Ведь в капле росы отражается весь небосклон.

При дворе российского императора и в правительстве всегда находились «англоманы, галломаны», сторонники и проводники интересов европейских стран.

Кому была выгодна смерть императора Павла I, пославшего войска для завоевания Индии? Англии! Кто убил Павла I? Российские англофилы!

Кому невыгодно было развитие Русской Америки? Англии! Она в начале XIX века вела ожесточенную борьбу с Францией за обладание Канадой. Срыв первой российской кругосветки был в интересах Англии. По мнению В. С. Агте, для этой цели слепым орудием мог стать поручик Ф. И. Толстой. И не только он.

Но какая связь между событиями двухсотлетней давности и творением нынешних «псевдоисториков»? Аналогичная. Плеяда политиков, для которых нет России за Садовым кольцом, еще совсем недавно щедро раздавала то, что им не принадлежит. Как министры иностранных дел Козырев и Шеварднадзе: они даже слово «патриотизм» превратили в бранное.

Сегодня в сторону России устремлены взоры охотников на российские богатства. Курилы, Сахалин да и весь Дальний Восток — вожаемые территории для соседей. И, как всегда, находятся услужливые теоретики для обоснования «новой политики». Превратить Резанова из героя в негодяя, в маниловского прожектора, якобы принесшего России только вред. Доказать, что стремление России на восток было ошибкой, исподволь подготовить общественное мнение к мысли, что мы — западная страна, нам восток не нужен. Как это сделали придворные лоббисты в XIX веке, продав за бесценок Аляску. Вот и стараются господа.

Не укладываются наши герои первой российской кругосветки либо в иконописный образ, либо в образ законченного негодяя и проходимца. Резанов, Крузенштерн и их спутники были обычными людьми с достоинствами и недостатками. Каждый из них выполнил свою миссию и оставил в истории свой след.

Крузенштерн не ангел. Его устоявшийся образ в историографии далек от истины. При этом первый российский кругосветный рейс был совершен им. Этого из истории убрать уже невозможно.

А если кому-то хочется видеть в несостоявшемся браке по расчету с обеих сторон страстную романтическую историю Резанова и Кончиты, пожалуйста. Кому-то хочется ханжески осудить за бытовые и постельные подвиги красивого вдовца и ценителя женских прелестей того же Резанова, и этому есть место. Вот только героические заслуги и обычные слабости часто сочетаются у одного человека.

И, думаем, справедливо, что Резанов останется в российской истории настоящим подвижником и патриотом своей страны.

